

**Б.М.ФИРСОВ**

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА И ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ  
НЕПРЕДСКАЗУЕМОГО БУДУЩЕГО \***

---

Фирсов Борис Максимович — доктор философских наук, ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Адрес: 191187 Санкт-Петербург, ул. Фурманова, 3. Тел. (812) 275-51-37, факс (812) 275-51-39, e-mail: firsov@eu.spb.su

---

\* Статья подготовлена на основе выступления на IV Международном симпозиуме "Куда идет Россия?"

Выход России на путь свободного экономического, культурного и политического развития зависит от критического (пока неисчисленного) объема человеческих ресурсов, способности людей к переустройству жизни в условиях радикальных реформ и социальных изменений. Такова основная гипотеза исследовательского проекта, осуществленного в 1992-1996 годах группой Санкт-петербургских социологов [1,2,3]. Исследование выполнено при поддержке Министерства науки, высшей школы и технической политики, а также Российского гуманитарного научного фонда.

Обращение к понятию качества населения имеет важное эвристическое значение. Представление о единстве биосоциальной природы человека позволяет отнести к качеству населения биологические свойства людей, от которых зависит смена поколений, а также надбиологические характеристики, и особенно их часть, которая интериоризирует требования социальной среды и приспособливает человеческую энергию к императивам современного развития. Надбиологические характеристики концентрируют в себе язык, систему ценностей, культуру и другие символические формы социальной жизни.

Противоречия между цивилизационным и этнокультурным началами не ведут к неразрешимым, тупиковым ситуациям. Наиболее важной представляется здесь позиция массы населения по отношению к традиционной альтернативе "Восток-Запад". Лишь малая часть респондентов связывает сегодняшний путь развития страны исключительно с "западным" (9%) или "восточным" (13%) вариантами. Для большинства жителей Петербурга этот путь особый, то есть "российский" (60%). И современную русскую культуру три четверти опрошенных считают особой. Эти данные послужили базой для формулировки одной из гипотез исследования: русский этнос сохраняет в целом свою специфику и не растворяется в ценностях американской или западноевропейской культуры.

Вместе с тем толерантный к вызовам цивилизации русский этнос находит выход из кризисной ситуации с большим напряжением. В исследовании был зафиксирован высокий уровень социального стресса [2; с. 153]. В основе доминирующих социальных настроений — тревога и разочарование. В подобных ситуациях часть населения попадает в крайне трудную ситуацию. Ее адаптационный потенциал при отсутствии социальной защищенности близок к нулю. Другая часть населения демонстрирует резистентность (сопротивление) кризисным явлениям. Ее можно считать адаптированной к социальной ситуации, но лишенной способности преодолеть обстоятельства. Наконец, третья часть населения демонстрирует мобилизацию защитных сил. Однако она находится, как правило, в меньшинстве (25%). Данное соотношение инвариантно в таких сферах, как экономика, труд, политика. В любой из них отчетливо просматривается дихотомия двух моделей поведения. Первая модель заключается в поисках помощи и поддержки, вторая предполагает самостоятельные действия и высокую ответственность самого индивида за выход из кризиса.

Базовые этнокультурные ценности населения не противостоят вызовам цивилизации. Как показывает сравнение ценностных ориентации россиян с ценностными ориентациями населения стран Западной и Восточной Европы, социально-культурное своеобразие России не выходит за пределы пространства, в котором размещаются ценности населения

этих стран [3, с.6-8]. При этом российская идентичность основана на доминировании такой ценности, как чувство общности и вовлеченность в социум.

Жители Санкт-Петербурга в разной степени подготовлены к восприятию цивилизационных вызовов и соответствующих структурных социальных изменений. Прежде всего, речь идет о социальном расслоении, в силу которого одна часть населения продолжает ориентироваться на ценности "развитого социализма", а другая борется за радикальное обновление, либерализацию. Это расслоение тормозит процесс изменений.

Мир "homo sovieticus" не рассыпался на части. Венгерские социологи поставили вопрос о своеобразной контрцивилизации, которая еще недавно, в советскую пору, определяла видение мира, культуру труда и повседневную жизнь восточноевропейского человека [4, с.11-12]. Черты этого человека были окрашены в национальные цвета (например, "homo kadicus" заметно выделялся на фоне себе подобных склонностью к сделкам, нацеленностью на потребление и считался "полуобуржуазившимся"). С другой стороны, и это кажется более важным, многих граждан восточноевропейских стран объединяла общая черта: инфантилизм в том, что касалось личной ответственности за собственную судьбу. Однако "освобожденный от ответственности человек не мог свободно строить свою жизнь, был лишен многообразия жизненных альтернатив и возможности самовыражения" [4, с.73]. Несмотря на это в бывших странах государственного социализма массы людей продолжают переживать духовное и моральное раздвоение: одни ностальгически относятся к старым социалистическим порядкам, другие, напротив, едва ли не фанатически поклоняются богу рынка.

67% населения Санкт-Петербурга старше 18 лет разделяет общие коллективистские ориентации в сфере труда; твердых сторонников индивидуалистических ценностей — 12%; промежуточные позиции занимают 21% опрошенных. Но конкретные ситуации открывают широкие области для компромисса в пользу жестких "антиколлективистских" решений.

Анализ новых переменных позволил выйти за рамки традиционного для нашего времени осуждения коллективистских принципов как заведомо неприемлемых. Эти принципы помогают сохранению культурной идентичности, самобытности людей. Обнаружен также сдвиг в сторону более терпимого отношения к рынку. Тренд в значительной мере опирается на новое мироощущение — готовность к риску и конкуренции, поддержку нововведений, внутреннюю мотивацию достижений, поиск альтернатив. Это отношение (и стоящий за ним активно-инновационный тип сознания) нельзя считать исторически новым. Российское общество демонстрирует общую и уникальную способность человека к сохранению витальных сил в условиях, когда они вынужденно остаются невостребованными. В целом, по нашим данным, 1/6 горожан можно уверенно отнести к категории высокоадаптированных к рынку, 1/3 — зачислить в группу населения со средним уровнем адаптации, а 1/2 — считать неприспособленной (низкий уровень адаптации). Низкая адаптивность ассоциируется с фрустрированным массовым сознанием. Его эмпирическим индикатором является "расшатанная государственность". Соответственно дифференцируются "державники" и "реформисты". Первые опираются на объединительные идеи, мечтают вернуться в государство — обновленный Советский Союз, построенный на началах определенной субординации интересов; "реформисты" исходят из либеральных идей и озабочены прежде всего тем, как создать демократическое общество, основу которого составят координация и согласование интересов. По сути, мы имеем дело с двумя видами политической культуры. Один из них авторитарный. Свыше 80% соответствующей группы опрошенных подчеркнули ответственность властей и только 18% — ответственность народа. Второй вид основан на политическом участии граждан в делах общества. Признавая следом за своими оппонентами верховную власть закона, представители этой группы возлагают ответственность на власть предержащих и граждан (соответственно 48% и 37%).

Идентификация с государством как доминанта российского (советского) массового сознания связана с устойчивым общинным комплексом, под влиянием которого поляризованное массовое сознание сопротивляется даже разумным призывам к росту самостоятельности и самоопределения. Один из полюсов образуют люди с ощущением свободы и возможности жить так, как хочется. На другом полюсе находятся люди, которых отличают неспособность преодолеть ослабление общинных связей, вынужденная изоляция, неумение и неспособность добиваться успеха. Подоплека дихотомии заключается в том, что еще не каждый готов и хочет вынести на рынок свои таланты, знания, профессию, умения [5, с.110]. Оценивая этот факт, следует учитывать, что дух

предпринимательства подвергался всеобщему запрету и преследованиям со стороны закона и государственных органов. Институт частной собственности оказался лишенным защиты даже со стороны тех, для кого в других условиях нравственная ценность естественного права человека на собственность должна была казаться бесспорной (интеллигенция, народные массы). Поэтому отдалается готовность населения полноценно существовать в условиях рынка на основе собственной экономической самостоятельности и прежде всего личной ответственности за результаты своей деятельности.

Известное сопротивление "человеческого материала" реформам можно объяснить действием ряда причин. **Причина первая** — стохастический характер широко понимаемого социального развития. Российское общество можно определить как стохастически детерминированную систему, зависящую от действия случайных факторов, часто настолько непредсказуемых, что вероятность развития по тому или иному варианту не поддается предвидению. По-прежнему сохраняется зависимость судеб общества и каждого отдельного человека от персонифицированной власти. "Иногда достаточно болезни или смерти одного человека, чтобы все переменялось", — писал Г.Померанц [6 с.155]. Идея неизбежности нынешнего развития под знаком действия случайных факторов может быть базой для понимания современности. Стохастически детерминированные системы не обязательно обречены на гибель, они не всегда дисфункциональны. Чтобы такая система справилась с тем или иным случайным фактором, отреагировала на его действие и не разрушилась, она должна обладать соответствующими ресурсами. Наряду с ресурсами материальными, экономическими, особую роль играют культура, менталитет, человеческий потенциал. Советское общество развивалось по искусственным моделям. Хотя целью развития и провозглашался гармоничный человек, оно сдерживалось разными способами, включая репрессивные. Ресурсы, которыми обладало общество, были связаны с механизмами принуждения людей к социальному порядку и находились в руках всевластного государства. Закономерно, что в новых исторических условиях процессы индивидуализации, автономизации человека идут чрезвычайно медленно и болезненно. Людям недостает внутренних сил самостоятельно противостоять неожиданно изменяющимся обстоятельствам. Поскольку стохастический характер социальных процессов сохраняется, варианты выбора человека ограничены принудительно устанавливаемыми рамками.

В свое время Х.Арендт писала: "Никогда еще наше будущее не было столь непредсказуемым, никогда мы еще не зависели в такой степени от политических сил, относительно которых мы не можем полагаться, что они будут руководствоваться нормами здравого смысла или собственными интересами. Эти силы кажутся просто безумными, если судить по меркам иных столетий. Все выглядит так, как будто человечество разделилось на тех, кто верит в человеческое всемогущество (это те, кто полагает, что все возможно, если знать, как организовать массы для этого), и на тех, для кого ощущение своей беспомощности стало основным опытом жизни" [7, с.29].

Эти слова не утратили своей актуальности. Массовые страдания, социальные бедствия вызваны тем, что для многих людей перестали действовать правила мира, в котором они родились и провели существенную часть своей жизни. Насильственно изъяты из приютов патернализма, они утратили вместе с привычными социальными ориентирами возможность беспристрастного, непредвзятого отношения к реальности, что резко повысило "социальную температуру". Безгосударственность в свое время резко изменила, дестабилизировала политический климат Западной Европы и ускорила появление тоталитарных режимов как щита, используемого наиболее приспособленными к жизни. Однако и в условиях современной России не все ее граждане живут под защитой государства. Это касается не только соотечественников, покидающих утратившие дух добрососедства страны СНГ, но и тех граждан, которые не покидали исконно российских территорий, но оказались "выбитыми из седла" силой внешних факторов (шахтеры, жители Крайнего Севера и др.). Они не утратили родины и гражданства *de jure*, но, теряя работу, профессию, дом, оказываясь не у дел, *de facto* перемещаются, выводятся за пределы человеческого сообщества.

Этим и обусловлена необходимость изучения человеческого потенциала. Исторический парадокс состоит в том, что духовные интересы никогда не одерживали "чистой победы" в гражданской практике России. Но обществу не дано преодолеть духовную дистрофию материальными средствами. Душевное устройство, ориентированный "человеческий материал", установление собственного отношения к реальности, избавление от суррогатов картин мира — вот язык описания императивных

требований к человеку, которому предстоит прожить еще длительное время в условиях "непонятно чего" [8, с. 164]. Историческая аналогия помогает понять происходящее ныне. В Германии, которая, казалось, предоставила своим "ост-дойче" едва ли не идеальные условия для того, чтобы они могли войти в техногенную цивилизацию, многие слои населения восточногерманских земель демонстрируют беспомощность перед реалиями развитого, здорового немецкого капитализма. Мобилизационная готовность к переменам (включая внезапные перемены и чрезвычайные ситуации) в различных социально-культурных этнокультурных) контекстах требует серьезного комплексного исследования.

**Причина вторая** — конфликт старой и новой культур. Действительно, едва ли не все социальные проблемы являются прежде всего проблемами культуры. Этот тезис не означает преуменьшения значимости собственно экономических или политических проблем. Ф.Фукуяма правомерно назвал культуру "материнским лоном экономики" [9, с. 138]. Политические идеи действуют как валидол. Они снимают спазмы, но не могут вылечить порока сердца [6, с.133-134]. Без мобилизации резервов культуры, без опоры на гуманитарные ресурсы и гуманитарное знание означенные проблемы не поддаются решению. Перестройка и постперестройка повлекли за собой позитивные сдвиги. Однако на смену тоталитарному, а затем авторитарному порядку пришел "хаотический порядок" (Ю.Левада) с сильным оттенком "разгула иррационально-злых страстей" (Ю.Хабермас) — политические игры без общепринятых правил.

Говоря о дефиците культуры, в первую очередь политической, следует отметить рецидивы авторитаризма в руководстве страной. В качестве первого факта, свидетельствующего о такого рода опасности, можно назвать чеченскую войну, являющуюся бедствием, катастрофой для российского общества. Эта война напоминает войны и иные насильственные акции, которыми были отмечены сталинский и брежневский периоды советской истории. Об этом свидетельствуют внезапность начала войны; анонимность авторства (до сей поры можно лишь догадываться, кто принял решение и взял на себя ответственность за военное решение проблем в противовес политическим и бескровным решениям); полная неосведомленность о "противнике" и его способности сопротивляться, вести борьбу и вставать на путь вооруженного сопротивления, отстаивая свободу от внешнего вмешательства; сокрытие истинных потерь; утаивание от общества затрат на ведение военных действий; низкая цена человеческой жизни, приносимой в жертву политическим амбициям; устранение законодательных структур и правительства от решения вопросов, относящихся к их компетенции. Второй факт культурного "голодания" — жадное до прибыли предпринимательство, алчность многих структур российского бизнеса, свойственная периодам первоначального накопления капитала на Западе. Здесь далеко до "гуманного постматериализма", и от этой алчности страдает общество, видя в "новых русских" социальных антагонистов. К тому же нарождающийся бизнес постоянно демонстрирует недостаток этических ресурсов, неприятие общекультурных правил. Достаточно вспомнить аферы, массовые обманы сотен тысяч вкладчиков новых коммерческих банков и владельцев ваучеров, чтобы понять общероссийский характер и масштаб этого явления. Третий факт — высокая преступность, сопровождающаяся ростом немотивированных криминальных проявлений, — также указывает на дефицит культурного воспитания и дефицит культуры общества в более широком понимании. По степени криминогенности различные слои общества заметно отличаются друг от друга, демонстрируя в одних случаях богатство и разнообразие, а в других — скудость и монотонность культурного опыта. Политический страх если и не исчез полностью, то постепенно уходит в прошлое. Однако ему на смену приходит "бесстрашие" перед законом. Планка субъективно дозволенного стремительно поднимается вверх, оставляя далеко внизу ограничения, устанавливаемые законом.

Нынешний исторический период требует, чтобы проблемой стал сам человек. Это предполагает экспликацию широко понимаемых человеческих (антропологических) предпосылок вместо того, чтобы продолжать находиться в плену всеобщего экономического или политического детерминизма. Коль скоро центром внимания становится человек, то социально-экономические модели, социально-политические сценарии, гарантирующие, по мнению их авторов, быстрое всеобщее процветание, должны рассматриваться как транквилизаторы, способные дать иллюзию изменений, но не способные привести к реальным изменениям. Во-первых, быстрый выход из тотального кризиса невозможен, во-вторых, радикальное реформирование требует кропотливой подготовки. Отсюда необходимость мучительной работы по

самовоспитанию, созданию нравственной, интеллектуальной, культурной, психологической базы, без которой любые попытки создать демократическое общество, эффективную экономику будут безнадежными попытками строить здание на зыбком песке.

Альтернативой мифологии, обещающей достижение экономического или политического чуда в считанные дни, являются многолетние усилия, направленные на воспитание чувства гражданского долга, формирование демократических убеждений и нравственных платформ. Российская ментальность и ее историческая инерция, в известной мере демократическая неподготовленность общества лежат в основе задержанного во времени реформирования российского общества.

**Причина третья** — "разгерметизация" человека. В свое время в рамках исследований массовой коммуникации 1960-1970 годов был поставлен вопрос о ее человекоцентризме. Идею человекоцентризма можно распространить на весь социум, считая императивы человеко-центричности особо актуальными для российского общества, пытающегося уйти от эпохи тоталитаризма. Деспотия, по верному замечанию Монтескье, игнорирует законы, опираясь на нравы и обычаи. Гражданское общество, к которому обращены наши надежды, символизирует сотрудничество, координацию, консенсус, взаимодействие как единственную альтернативу тотальному контролю, насилию над массами с помощью государственно-политической машины, идеологического принуждения, доходящего до террора.

Жизнь по этим античеловеческим правилам охватывает целую эпоху трагической истории страны. Разгосударствление, деэтизация кажутся делом вполне естественным и необходимым, но только ли от государства следует людям защищать себя? Носителями принуждения и насилия часто выступают структуры, далекие от того, чтобы их можно было ассоциировать с машиной государственного контроля. Децентрализация и деэтизация — процессы, которые в современных условиях часто имеют стихийный характер ("разгул демократии"), породили распад привычных связей, создали конфликтогенные ситуации на самых различных уровнях социальной структуры, когда отдельные люди или группы людей начинают разрушать жизненное пространство, среду обитания, девальвируют, обесценивают саму жизнь, воздвигают баррикады перед собственным будущим и будущим своих потомков. Характерный пример. Вблизи Санкт-Петербурга два российских гражданина разобрали рельсы перед идущим пассажирским поездом, надеясь, что крушение позволит им поживиться имуществом жертв катастрофы.

Неспособность людей защитить себя от самих себя предполагает новую миссию социолога. Ему, постоянному адвокату, защитнику человека в многовековой тяжбе с государством и властью, приходится менять представление об "ответчике": им теперь является сам человек. Но, чтобы выиграть процесс (защитить человека от самого себя), следует обратиться к иным, чем традиционные социологические теории, представлениям.

Человек в действительности неизмеримо сложнее, чем его может описать какая-либо "монотеория" — мысль до известной степени примитивная, но тем не менее общество несет большие потери от монотонности социологического знания.

Увлечение социальных мыслителей XIX века экономическими отношениями повлияло на то, что были забыты инерция исторического опыта, роль этнических переменных, геополитические факторы, значение религии и культуры.

Преклонение перед монофакторами, особенно экономический детерминизм, сделали картину социальной жизни плоской, лишив ее богатства, сложности, многомерности. Велик соблазн написать универсальное уравнение и приложить его к общественной жизни, но за это заплачена слишком высокая цена, чтобы можно было и далее ограничиваться суждениями типа "бытие определяет сознание".

Развитие, конечно же, многовариантно. Оно может протекать по благополучным сценариям и иметь едва ли не апокалипсический исход. На самом деле тот или иной результат все больше зависит от нашего выбора. Но если будущее зависит от нашего выбора, то правомерен вопрос о нашей способности этот выбор сделать. Общество будет таким, каким его могут создать люди. Их физическое и психическое здоровье, интеллектуальные потенции (компетентность) и моральные установки (нравственность) во многом определяют сценарий, по которому пойдет развитие.

Под влиянием разных событий (национальных — реформирование России, континентальных — расширение границ Европейского сообщества, глобальных — развитие техногенной цивилизации) актуализируется проблема человеческих возможностей.

Феномен человека требует дальнейшего осмысления для того, чтобы ответить на вопрос о его способности справиться с вызовами времени, эпохи, цивилизации.

Это уже нашло выражение в рамках самостоятельного направления социологических исследований — изучения качества населения. Речь идет о междисциплинарном анализе широко понимаемых потенций, способности населения города (региона, страны) выдерживать нагрузки исторического развития, социальных изменений, включая экстремальные ситуации, социальные катастрофы, кризисы, радикальные реформы.

Подобные исследования имеют международную базу и ориентацию, позволяя устанавливать координаты разных стран и их населения в едином общецивилизационном пространстве.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Качество населения Санкт-Петербурга / Отв. ред. и сост. Б.М.Фирсов. СПб., 1993.
2. Кто он такой — петербуржец? / Рук. проекта Б.М.Фирсов // Мир России. 1994. ТЛИ. N 1.
3. Качество населения Санкт-Петербурга, II / Отв. ред. и сост. Б.М.Фирсов. СПб., 1996.
4. Korridor // Новый мир: Восточная Европа в процессе изменений. Будапешт, 1994.
5. Левинсон А.Г. Трансформация социальной структуры: новые общественные группы в России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-пресс, 1994.
6. Померанц Г. Выход из транса. М., 1995.
7. Арендт.Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996.
8. Касьянова К. Представляем ли мы, русские, нацию? // Иное: Хрестоматия российского самосознания. Т. 1.М., 1995.
9. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. N 3.